

Осип Монгольштамп
СЕМЬ ТЕКСТОВ

Осип Монгольштамп
Семь текстов

«Accent Graphics communications»

2019

Монгольштамп О.

Семь текстов / О. Монгольштамп — «Accent Graphics communications», 2019

Главный недостаток литературы, как считает автор «Семи текстов» – это наведение на читателя тоски. Поэтому «Семь текстов» написаны только для того, чтобы читатель не скучал.

© Монгольштамп О., 2019

© Accent Graphics
communications, 2019

Содержание

Сверхновая планета	5
1. Посадка	5
2. Встречи с аборигенами	7
3. Первое знакомство	9
4. Жилище гуманоида	11
5. В инопланетном городе	13
6. Уличная ссора	15
7. Мастерская туземного изобретателя	17
8. Удача с бегством	20
9. В Изоляторе	22
10. Импровизация для аборигенов	24
11. Инопланетные учёные	27
12. Битва при Ватерполо	28
13. Общение с профессором Дециметром	31
14. Экскурсия по туземной лаборатории	34
15. Ночная прогулка	37
16. Истинное задание капитана	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Осип Монгольштамп

Семь текстов

Сверхновая планета (Слова народные)

1. Посадка

Космос заканчивался: детекторы масс просигнализировали о появлении у него множества гравитирующих границ. Замшелый стеклопластиковый звездолёт «Террор инкогнито» автоматически отключил раздвигатель пространства и, взвыв реактивными тормозами, со всего маху врезался в трёхмерный континуум.

От удара звездолёта о космос находившийся в анабиозе капитан слетел с нагретой лежанки на ходовом ядерном реакторе и больно ударился головой о переборку. Пришлось подняться на ноги и сунуть их в стоптанные магнитные ботинки. Ботинки тут же включили свои воздушные подушки и начали мягко пружинить. Почесав отлёжанный бок через дыру, протёртую в космическом комбинезоне из сыромятного нейлона, капитан сонно проковылял к иллюминатору и с трудом разлепил глаза.

Впереди по курсу на фоне созвездия Молокопровода, освещённая лучами незнакомой пятнистой звезды, выростала в размерах плохо ещё различимая планета. Капитан отвернулся от иллюминатора и отыскал взглядом большой альтиметр: тот показывал высоту сто два парсека над Землёй.

Близоруко щурясь, капитан наклонился к более мелкой навигационной технике и обнаружил, что табло псевдоскопа почти не перекошилось, но вот стрелки квазиметров завились в спирали.

По опыту зная, что неисправности нужно ликвидировать в зародыше, капитан нанёс по блоку явно барахливших приборов серию ювелирно выверенных пинков. Увы, на сей раз главный ремонтный приём делу не помог – напротив, у центрального кривостата стрелка даже завязалась хитрым космическим узлом.

«Почему приборная мнимотехника так капризничает? – озадаченно почесал затылок капитан. – А может, ей просто нечего показывать? Действительно: вдруг корабль залетел в ту часть Вселенной, которая науке ещё не известна?»

Намереваясь обдумать это предположение поосновательнее, капитан достал из кармана пачку «Токсичных», вытащил оттуда сигарету, набитую безалкогольным табаком, прикурил от зажигалки в форме спички и вернулся к иллюминатору.

– Точно: планетка явно новая, неоткрытая, – подумал вслух капитан, со всё большей заинтересованностью водя взглядом по окрестностям этой росшей прямо на глазах планеты. – Открыть уж, что ли?

Дабы решение не вышло легковесным, капитан извлёк из футляра и водрузил на нос очки, придал лицу максимально мудрое выражение и глубокомысленно затянулся сигаретой. От глубокой затяжки лёгкие капитана принялись ожесточённо кашлять, а имевшиеся в голове мысли заволокло токсичным дымом.

– Ладно, кхе-кхе, так и быть: начинаю открывать, – решительно просипел капитан и, чтобы не задымлять помещение, открыл иллюминатор. Из иллюминатора потянуло свежим вакуумом.

Попеременно то сдавленно кашляя, то бормоча ругательства в адрес табачной промышленности, капитан отступил на пару шагов, прицелился, размахнулся и мстительно выбросил недокурную сигарету через открытый иллюминатор прямо в космос. Потом снова перевёл взгляд на стремительно приближавшуюся планету и только тут наконец заметил, что она плоская и лежит на трёх китах.

От леденящего ужаса, который эта картина, по идее, должна была навести на капитана, но которого капитан совершенно не ощутил, летевший в иллюминатор окурок сигареты застыл в воздухе, а сам воздух похолодел.

Не в силах противиться воодушевлению от надвигавшихся открытий, капитан громовым, хотя и слегка охрипшим на космическом холоде голосом отдал корабельной автоматике две наиболее проверенные посадочные команды. А именно: «Задраить форштвень» и «Свистать всех на кильватер». К счастью, автоматика не обратила на команды никакого внимания и мягко пришвартовала звездолёт к планете, опустив его на затянутое клочковатым туманом травяное поле поблизости от мутной речки.

Проявляя профессиональную осторожность, капитан первым делом высунул голову в иллюминатор, понюхал атмосферу и, поразмыслив, пришёл к выводу, что та пригодна для дыхания.

Корабельные роботы из-за пребывания в анабиозе спросонья отказались от участия в первооткрывательстве. И тогда капитан приказал себе заниматься планеторингом в одиночку. Он настроился быть объективным исследователем, уселся на гусеничный велосипед и решительно покатыл по планете сквозь туман.

2. Встречи с аборигенами

Капитан проехал от звездолёта по берегу мутной речки уже около километра. Как вдруг полетел в траву: потому что из верхних слоёв тумана появилась многометровая кривая колонна и силой ударила о землю – самым своим краем при этом вдребезги разбив переднюю гусеницу разведочного велосипеда.

Порывы сразу поднявшегося ветра начали быстро разгонять туман. И когда капитан, встав из травы, огляделся, то увидел, что кривая колонна – это один из когтей уходящей вверх колоссальной чешуйчатой лапы. Кроме того, огромная, закрывшая часть неба пятерня схватила оставленный вдали звездолёт и понесла его ввысь к чудовищного размера пасти. Которая, словно семечко, раскусила космический корабль, тотчас заискрившийся взрывами.

Эта картина сразу напомнила капитану, что он ещё не завтракал. А потому он с аппетитом уселся на траву и принялся грызть пищевые таблетки из аварийного пайка.

Капитан был тёртым звездолётчиком: ему доводилось сталкиваться с чудовищами куда больших размеров, чем то, которое взялось поедать его корабль. В своих космических странствиях капитан встречал живых существ такой величины, что от разности субсветовых скоростей движения разных частей их тел оные части вследствие релятивистских эффектов заметно по-разному старели.

За неприятную привычку обкусывать по краям целые галактики тем разностарееющим существам дали название «Пожиратели Пищи». А главной их загадкой было то, что они почему-то не поддавались гравитационному коллапсу. И даже не превращались в обычные звёзды.

Тем временем из вод мутной речки крадучись вылез совершенно незнакомый капитану гуманоид в акваланге, в лапах и с лесорубным топором в руках. Быстро взобравшись на коготь исполинского животного, которое сосредоточенно доедало звездолёт, аквалангист воровато огляделся и принялся рубить ногу чудовища прямо над огромным когтем.

«Нет, брат, такую махину в одиночку не срубишь, – уверенно прикинул капитан, хрустя таблетками. – Тут меньше чем бригадой с лесоповала не обойдёшься».

Но аквалангист прорубился только до чудовищной вены почти метрового диаметра. После чего метким ударом проделал в ней разрез, втиснулся в него и исчез, унесённый током крови: видимо, чтобы учинить внутри чудовища какую-то диверсию.

«Браконьер, наверное, местный», – с неодобрением подумал капитан и на всякий случай тщательно оглядел окрестности своих дырявых ботинок.

Минут через пять, видимо, почувствовав боль в ноге, инопланетное животное выплюнуло скорлупки от звездолёта и скосило глаз на кровоточившую рану. Увидев капитана, чудовище злобно взревело и принялось протягивать к нему сверху громадную пятерню.

Капитан, впрочем, ни капли этого не испугался. Не испугался потому, что, по всем его расчётам, данное животное просто не могло существовать. Ведь мышцы чудовища были настолько велики и, соответственно, тяжелы, что совершенно очевидно не смогли бы поднять даже собственный вес. Ну, а кроме того, капитан испытывал несокрушимую уверенность в собственной несъедобности.

И эта уверенность полностью оправдалась: почти дотянувшись до капитана, чудовище пошатнулось и рухнуло замертво. Рухнуло так, что подпрыгнула земля. Из-под века его огромного остекленевшего глаза, энергично работая топором, выбрался всё тот же аквалангист. Судя по всему, он устроил чудовищу – этому, несомненно, эндемичному и нуждавшемуся в заповедной охране животному – кровоизлияние в мозг.

По-браконьерски шлёпая ластами, аквалангист подошёл к капитану и ловко выхватил у того из горсти самую большую и сочную пищевую таблетку.

– Меня ужасно смущают умеренные похвалы, – скромно пожаловался аквалангист и нагло потянулся за второй таблеткой.

Капитан несколько не удивился тому, что с ним заговорили на понятном ему языке. Ведь если жители открываемой планеты эволюционировали в гуманоидов – а такое событие крайне маловероятно и встречаться может исключительно в научно-фантастических произведениях – то и земной язык должен был выглядеть в устах инопланетянина ничуть не менее вероятным.

Это рассуждение сразу ликвидировало все сомнения капитана: у него имелись собственные счёты с логикой.

«Кстати, – осенила капитана ещё одна ценная мысль, – а вдруг сходство речи гуманоида со звуками моего языка всего лишь кажущееся? Вдруг гуманоид на самом деле умоляет, чтобы его как можно быстрее отлупили?»

Поскольку за данное предположение говорила ещё и природная скупость капитана в отношении пищевых таблеток, то он на всякий случай как следует стукнул кулаком по незнакомцу и полез в карман за табельным бластером.

Ничуть не обидевшись, абориген в ответ молниеносно выпрыгнул из ласт и огрел капитана обухом топора с такой силой, что стальные нервы капитана расстроено задребезжали, а сознание куда-то потерялось.

3. Первое знакомство

Очнулся капитан от ударов по голове, которые старательно наносил рукояткой его же бластера всё тот же неугомонный аквалангист.

«Бесполезно бить-то, – ухмыльнулся про себя капитан, – бластер ведь не взведённый. Да ещё и не заряженный. И, вдобавок, давно списанный. Впрочем, откуда здешнему жителю знать, – посочувствовал капитан наивности туземца, – что у нас, у космических разведчиков, голова – это наименее важная и потому наименее уязвимая часть туловища?»

Капитан деловито поднялся, отобрал у аборигена свой ржавый бластер и хмуро вступил в контакт.

– Молекулы моего тела и молекулы пищевых таблеток, – усиленно жестикулируя, заговорил капитан, – совершенно одинаковы. У меня в организме происходит постоянная регенерация тканей, поэтому пищевые таблетки со временем станут частью меня. И я, понятное дело, не намерен лишаться будущих частей тела, – холодно объявил капитан. – А вообще я прилетел сюда, чтобы всё открывать и исследовать.

– Не машите руками, – сразу обрадовался абориген. – Очень лестно в кои-то веки встретить такое внимание. Если хотите, то можете начать ваши открытия прямо с меня. С моих личных достижений. Вот, – в руках у аборигена откуда ни возьмись появилась пачка красочных буклетов, – держите мои рекламные проспекты.

Капитан недоверчиво оглядел вполне заурядную фигуру гуманоида: «Может, он карликовый великан?»

Абориген с многообещающим видом полез в росшие на берегу речки кусты, выкатил оттуда здоровенную штангу, напрягся, крикнул – и с усилием поднял её на выпрямленные вверх руки. Хотя капитана никак нельзя было причислить к нищим телом – ведь когда-то он выполнил норматив кандидата в заслуженные мастера спорта по фигурной борьбе – но, несмотря на все попытки, он не смог даже приподнять снаряд гуманоида.

Гуманоид же навесил на штангу ещё сотню килограммов и опять поднял её – с ещё бóльшим усилием. Потом добавил ещё сотню килограммов и с поистине невероятным трудом одолел и этот вес. А затем продолжил его увеличивать и поднимать со всё возрастающим напряжением, для описания которого просто нет превосходных степеней.

Мышцы у гуманоида вздулись так, что размах его плеч увеличился вдвое, а спина из-за глубоких складок между густо выпиравшими из тела и теснившими друг друга мускулами стала напоминать кору головного мозга человека.

Когда туземец одолел пять с лишним тонн, у капитана возродились давнишние подозрения, что штангисты тренируют вовсе не силу мышц, а способность к телекинезу. О чём капитан и поведал аборигену.

– Нет-нет, – устало отдуваясь, произнёс гуманоид. – Секрет моей силы совсем в другом. Видите? – туземец показал капитану на свою дымившуюся голову. – Это закипает пот от биотоков с напряжением 380 вольт.

– Полезная штука, – постарался польстить капитан аборигену: – пять-шесть разрядов – и ты токарь...

– Да, именно так меня и зовут, – кивнул гуманоид: – 5–6 Разрядов.

Капитан, дабы не отстать в вежливости от инопланетянина, решил тоже представиться.

– А меня зовут... э-э... Голод Ранец с планеты Чтозахреников, – для правдоподобия соврал он. – Вообще-то, я межгалактический гвардии адмиралиссимум минус первого ранга. Но по совместительству подрабатываю капитаном надувной многовёсельной подпространственной лодки «Полундра».

– Ух ты, – доверчиво изумился 5–6 Разрядов, – вон даже докуда прогресс докатился... И кто же у вас, капитан, сидит на вёслах?

– Как это кто? – быстро нашёлся капитан. – Осуждённые роботы, конечно, и приговорённые к каторжным работам ЭВМ.

– Слушайте, капитан, – спохватился Разрядов, – мне ведь ещё нужно замести следы охоты на мясопотама... Подождите, я только сбегая домой – это совсем неподалеку, в поместье Ясная Поняла – и пригоню мясоуборочный комбайн.

– Не буду я никого тут ждать, – вежливо отрезал капитан. – К тому же, твоё жилище, гуманоид, мне тоже нужно открывать и исследовать.

4. Жилище гуманоида

Оказалось, что дом 5–6 Разрядова, словно скульптура, высечен из единого куска мрамора. По углам комнат дома кучами лежал мусор, который, по словам Разрядова, было принято не убирать, а лишь опрыскивать дезодорантами и украшать.

– Да вы, гуманоиды, погрязли в чистоте, – похвалил капитан инопланетный обычай.

Этот обычай – не выбрасывать, а, напротив, сохранять и копить мусор – сразу же вызвал у капитана воспоминание ещё об одном когда-то открытом им животном. Оно росло вокруг отходов своей жизнедеятельности, используя их в качестве скелета.

Метаболизм данного животного специалисты сочли аргументом в пользу физиологической концепции, согласно которой всякий организм следует рассматривать не как симбиоз органов, а как борьбу взаимопаразитов, отбрасывающих друг другу продукты жизнедеятельности.

Вспышка молнии и удар грома за окнами сбили капитана с мысли о симбиозе паразитов; капитан очнулся от воспоминаний и в чисто исследовательских целях украл украшавшую одну из куч мусора большую золотую монету, усыпанную бриллиантами.

За окнами быстро потемнело, и хлынул ливень – настолько сильный, что стало непонятно: то ли это струи воды падают на землю, то ли пузыри воздуха поднимаются в небо?

Заметив, что капитан заинтересовался силой ливня, Разрядов любезно сообщил, что во время подобных дождей местные рыбы ухитряются плавать над сушей.

– Можете всё здесь изучать, – туземец щедро обвёл рукой вокруг, – а я пока заштопаю дыру в половой тряпке.

Капитан понажимал в разных последовательностях на кнопки стоявшего в углу радиоприёмника и наконец услышал:

– ...А не посидеть ли нам, Знаменитые Капитаны, вокруг костра из книги «Путешествие вокруг пальца»?

Капитан осторожно повернул колёсико настройки и поймал какие-то музыкальные позывные.

– ...Говорит радиостанция «Маньяк», – объявил диктор, и началась передача, в ходе которой известный тайный агент Поганини принялся знакомить население с секретным планом захвата планеты путём диверсионного снижения цен на водку.

Капитан всегда сочувствовал тайным агентам, простодушно полагая, что в силу специфики работы эти бедняги вместо нормальной еды вынуждены питаться одними лишь секретными документами. Однако слушать Поганини капитану было скучно, и он включил телевизор.

Там показывали звезду местного цирка. Несмотря на недавно полученный перелом позвоночника, артист бодро ездил по канату в инвалидной коляске, сунув голову в пасть льва. Одной рукой артист при этом жонглировал работающими пулемётами, другой – стаканами с нитроглицерином, левую ногу окунал в расплавленную сталь, а правой писал завещание.

Потом стали показывать фокусы с использованием нейтрино и ЭВМ. Такие фокусы капитан даже приблизительно не мог понять и потому переключил телевизор на другой канал.

По нему спортивный инструктор долго заставлял зрителей выполнять разные упражнения, а затем заверил, что после этих упражнений каждый занимавшийся почувствует улучшение здоровья своих микробов.

Ещё по одному телеканалу выступала девушка, совершенно обнажённая – если не считать набедренной повязки, которую держала в руке – и показывала, как можно сплести точно такую же повязку из живых удавчиков.

Капитан скромно отвернулся и, увидев на столе рукопись с посвящением «Благодарному человечеству», раскрыл её. Рукопись оказалась однообразным повествованием о злоключе-

ниях пугливого золотого робота, за которым гонялись все, кому не лень. И капитана несколько не удивило, что к последней странице рукописи пришпилен отказ за подписью внештатного главного редактора.

– Эй, гуманоид, – вежливо окликнул капитан 5–6 Разрядова, разглядывая официальный бланк, – а как это понять: «Отдел самокритики редакции отказов в публикации»?

Вместо ответа абориген подскочил к капитану, выхватил у него рукопись и, выругавшись, с ненавистью исправил её посвящение на «Памяти неблагодарного человечества».

– Теперь все знакомые поздравляют меня с тем, что я состоялся как графоман, – злобно прошипел Разрядов. – А ведь я бессмертнее Шекспира...

Капитан от греха подальше ушёл в столовую и включил там пищевой автомат. Меню, как оказалось, состояло из жареной воды, мороженого с аспирином, пирогов с хлебом, стужённой водки, диетического самогона, обезжиренного масла и тому подобных деликатесов, провоцировавших на умеренность в обжорстве.

5–6 Разрядов тоже зашёл в столовую и налил из бочки пиво «Диоген» в кружку, снабжённую электрическим холодильником.

– Вам непременно нужно попробовать что-нибудь из нашей кухни, – гостеприимно поощрил инопланетянин капитана.

Крошечный робот, постоянно ползавший по полости рта капитана и поддерживавший там чистоту, посоветовал хозяину отказаться.

– Не хотите ли хватить стаканчик сухого? – компанейски подмигнув капитану, 5–6 Разрядов достал бутылку с мутным самогоном. На её этикетке красовались пять звёздочек и надпись «Лишний».

«Хорош я буду, если напьюсь, – испуганно подумал капитан. – Кстати, вдруг этот самогон содержит яд? Какой-нибудь токсин – вроде алкоголя?» Принимать яды капитан всегда стеснялся.

– Может, всё-таки отведаете? – гостеприимно не отставал 5–6 Разрядов.

– М-м... Дай мне три дня на размышление, – ловко отвертелся капитан от приглашений.

В столовую заехал разыскавший 5–6 Разрядова кибер-телефон. Разрядов взял его трубку, выслушал сообщение и объявил, что и ему, и его гостю лучше поскорее убраться из Ясной Понялы, потому как здешние синоптики-экстрасенсы предсказывают в ближайшее время ураган.

– Ураганы у нас бывают не очень часто, – добавил абориген, – но зато всегда достигают второй космической скорости...

5. В инопланетном городе

Когда Разрядов с капитаном вышли из дома, ливневая вода уже схлынула. Шагая по дороге к видневшемуся вдаль городу, Разрядов и капитан обогнали двух упитанных коров. Коровы прогуливались, оживлённо споря о возможности воспитания человеческих детёнышей кактусами, бактериями и привидениями.

– Слушай, гуманоид, – капитан подозрительно посмотрел на своего спутника, – а тебе не кажется, что речь этих коров состоит из слов?

– Мы не коровы, мы мясники, – оскорблённо поправила капитана одна из коров.

– Они занимаются выращиванием элитных мясных туш, – тихонько подсказал капитану Разрядов.

– А вот вы, ребята, похоже, работаете на людоедов, – с ехидством заметила вторая корова и небрежно выдула большой пузырь из жевательной резины для крупного рогатого скота.

– У вас, что: настолько развита пересадка мозга? – с уважением спросил капитан Разрядова, когда коровы остались далеко позади.

– Пересадка мозга? – переспросил Разрядов. – Да, с ней у нас дело доходит уже до того, что некоторые чистоплюи брезгают отправлять естественные потребности. А то даже и просто питаться. И предпочитают быстренько менять тело на свежее.

В городе Нью-Йорк, на улицы которого вскоре ступили Разрядов и капитан, жители ходили голыми, но зато в масках для лиц.

– Маскировка лиц обходится намного дешевле, чем маскировка тел, – объяснил Разрядов.

Капитан, однако, при всём желании не смог бы замаскироваться под туземца: он был мулатом, и причём таким, что его кожа имела пигментацию в виде крупных чёрно-белых, как у шахматной доски, квадратов.

– Это же грабитель, не иначе, – взволнованно шушукались прохожие, провожая взглядами обнажённое лицо и одетое тело капитана. – Вон ведь как скрывается: явно не хочет, чтобы его узнали...

«Для туземной логики всё совершенно нормально, – пронеслось в голове у капитана. – А как ещё должны мыслить несчастные гуманоиды?»

– Что ж, народ зря болтать не будет, – убеждённо кивнул Разрядов. – В смысле: мнению народа у нас принято беспрекословно подчиняться. Так что если вас, капитан, все считают грабителем, то нам, значит, действительно нужно срочно что-нибудь ограбить.

Произнося эти слова, туземец уже тащил капитана к попавшемуся на пути отделению «Сбегательного банка».

– погоди, погоди, горячий инопланетянин, – испуганно засопровивлялся капитан. – Зачем так рисковать?

– Капитан, разве вам не хочется, чтобы наш мир продемонстрировал все свои грани? Неужели вы собираетесь открывать нас лишь выборочно и, вдобавок, на основании чисто субъективных предпочтений? – укоризненно покачал головой Разрядов. – Мне вот сначала показалось, что вы настоящий исследователь. Объективно настроенный и потому готовый к преодолению любых трудностей. Неужто я ошибался?

– Я... э-э... самый что ни на есть беспристрастный и объективный исследователь, – через силу соврал капитан и, скрипя сердцем, поплёлся за Разрядовым.

– Вы куда? – попытался остановить их охранник на входе в банк.

– Вперёд, – проинформировал Разрядов любознательного охранника, придавая ему горизонтальное положение.

Едва новоявленные грабители подошли к кассе, как стоявшая в очереди красивая гуманоидка, модно раздетая в новое платье королевы и почти сплошь состоявшая из женских прелестей, широко раскрыла смело обнажённые глаза с кудрявыми металлизированными ресницами, схватила капитана за рукав комбинезона и принялась с восторгом разглядывать ткань.

– Это ведь натуральный нейлон, не правда ли? – поражённо ахнула гуманоидка и от избытка чувств потеряла сознание.

Капитан неловко поймал падавшую девушку, чуть не разбив при этом её хрустальный лифчик, неуклюже положил красавицу на пол и от смущения ляпнул кассиру:

– Эй, туземец, выгребай сюда всё, что у тебя есть в карманах...

Тем временем 5–6 Разрядов сноровисто извлёк из сейфов банка наличность и повернулся к безучастно стоявшей публике.

– Гуманоиды, грабить банки – это ужасно и преступно, – с горьким раскаянием сообщил 5–6 Разрядов. – И нужно делать всё, чтобы грабители получали достойный отпор. А потому я сейчас же внесу награбленные деньги в фонд борьбы со мной.

6. Уличная ссора

Оказалось, что «Фонд борьбы с 5–6 Разрядовым» – это солидная организация, занимающая многоэтажное здание с прозрачными стенами, полами и лестницами, но в то же время с прямоугольными бетонными блоками на месте окон.

Финансовый директор фонда любезно пересчитал принесённые деньги и недовольно объявил, что их слишком мало для организации эффективной борьбы с Разрядовым, что их не хватит даже для покупки лицензии на отстрел гуманоида.

– Похоже, вы оба страдаете недержанием самонадеянности, – с осуждением добавил директор, после чего выставил горе-меценатов за порог с наказом достать вдесятеро ббольшую сумму.

Сгоравший от необъятного стыда 5–6 Разрядов потащил капитана грабить новое финансовое заведение.

– Очень жаль, но наш «Консервный банк» уже закрыт, – остановил их охранник на входе.

– Извините, но мы налётчики, – представился Разрядов и показал на табельный бластер капитана. – Вот наша пушка.

– А, ну тогда заходите, конечно... – сразу смягчился охранник.

Однако аппетиты «Фонда борьбы с 5–6 Разрядовым» не удовлетворила и новая порция денег.

– Как же быть? – всерьёз задумался Разрядов. – Деньги-то в принципе есть. Но, к сожалению, не у меня. Ага, я, кажется, знаю, что делать: давайте-ка, капитан, затеем миротворческую войну. За любое установление мира наше правительство вручает победителям очень крупную премию. К сожалению, воевать теперь почти никто уже не хочет – но это нам не помеха: к войне ведь можно и принудить.

– Правда? – капитан через силу изобразил исследовательскую активность. – А каким образом?

– Очень простым: спровоцировав непримиримый конфликт, – сообщил 5–6 Разрядов. – Да вон, кстати, и подходящие для нашей затеи кандидаты: видите на перекрёстке кучку гуманоидов, которые притворяются, будто крестят новую разумную машину? Это гигангстеры, религиозная секта эндорсистов. В реальности они вовсе не душу вселяют в искусственный мозг, а загоняют в него дьявола.

– Да неужели? – делано ужаснулся капитан. – И зачем же?

– Всё объясняется тем, – предвкушающе потёр руки Разрядов, – что гигангстеры – это страстотерпцы-ересиархи. Пребывание в ереси и впадение во грехи является для них подвижничеством, высшим духовным достижением. Ведь эндорсист жертвуют спасением своей души.

– Спасением души? Всего-то? Охота же бедолагам размениваться на такие мелочи... – пренебрежительно пожал плечами капитан. – Может, всё-таки не стоит нарываться на ссору с этими ребятами?

– Лично меня гигангстеры раздражают потому, – враждебно скривился Разрядов, – что не наделяют свои разумные машины органами чувств и эффекторами. То есть фактически оставляют их тяжёлыми инвалидами. Но в то же время приделывают сим несчастным органы механоразмножения.

– Приделывают органы механоразмножения? Да как можно было докатиться до такого бесстыдства? – компетентно ахнул на всякий случай капитан.

– Очень хорошо, что у нас полное роднодушие, – одобрил реакцию капитана 5–6 Разрядов. – Стало быть, идите и срочно поссорьтесь с этими стыдододами.

– Постой, постой, гуманоид, – опять взбрыкнул капитан, – почему бы тебе самому не вызвать стыдододами на конфликт? Разве можно доверять столь важное дело мне, новичку?

– Проблема в том, капитан, что я – профессиональный конфликтант. Зная это, со мной гигангстеры вообще не станут связываться. А вот вы им ещё абсолютно не известны. И, значит, у вас ссора с ними должна получиться без особого труда. Порешительнее заденьте веру злодельцев, спровоцируйте на грубость – и тогда уж в качестве вашего союзника вмешаюсь я.

«Нет бы просто предложить этим гигангстерам: «Эндорсисты, мы, в отличие от вас, любим только изгонять души. Так давайте же поссоримся по-хорошему». Или ещё проще: «Друзья, давайте будем врагами!», – запоздало мечтал капитан, расталкивая гигангстеров и забираясь прямо на крестимуюими ЭВМ.

– Эй, инопланетяне хреновы, слышали о проповеднике по имени Учитель Дьявола? Так это я как раз и есть, – осторожно начал капитан. – Моя космическая экспедиция организована Пиархом всея Руси для поисков бога – уже павшего, но всё ещё не отлучённого от церкви.

Задав гигангстерам риторический вопрос о том, кому молится бог и высказав риторический ответ, что, очевидно, своим же верующим, капитан пустился в извилистые рассуждения о том, как нужно святить бога и о смертной душе в бессмертном теле.

Гигангстеры начали молча открывать рты – то ли собираясь возразить капитану, то ли просто зевая от скуки.

Дабы овладеть вниманием аудитории, капитан поведал ей, что недавно подарил свою душу дьяволу и что жить грешно. А также что сие крайне стыдно – использовать старого и почтенного бога в качестве вульгарной рабочей силы.

Гигангстеры принялись хихикать, и тогда капитан обиженно объявил, что у слушателей на концах их шей находятся явно не головы. А всего лишь фантомные ощущения голов. И для полной ликвидации сомнений в истинности этого заявления постучал ближайшим гигангстерам ногой по макушкам.

Приговаривая «Катись-ка ты со своим объявленным в розыск богом к его бесполо размножающейся матери», гигангстеры стащили капитана вниз настолько стремительно, что пока они поправляли ему кулаками очки, капитан по инерции продолжил призывать гигангстеров к покаянию, потому-де, что «Конец света близок, как никогда раньше».

Своевременно вмешавшийся Разрядов несколькими уродообразующими ударами разнял драку, а затем пинком остановил проезжавший мимо многоэтажный автобус-небоскрёб. Не обращая внимания на протесты водителя, Разрядов перерисовал краской номер маршрута на табличке автобуса на нужный себе – и все конфликтанты поехали в резиденцию местного правителя оформлять миротворческий контракт.

Правитель висел на дыбе с перекошенным от боли телом: по местным обычаям, руководителем мог стать только тот, кто был готов не получать от должности ничего, кроме пыток. А им правителя имел право подвергнуть любой недовольный и, таким образом, временно руководящий член общества. Поэтому помощники постоянно страдавшего правителя оформляли документы без малейшей волокиты.

– ...Порядок, – удовлетворённо проорчал Разрядов, пробежав глазами официально заверенный контракт, – драться с гигангстерами будем ровно через час на полигоне Мухоморье. А я как раз хотел навестить там знакомого гуманоида: ходят слухи, что он у себя в мастерской усовершенствовал вечный двигатель...

7. Мастерская туземного изобретателя

– ...Всё правильно, Разрядов, – подтвердил знакомый, – я придумал приделывать к нему тормоза. А это что ещё за лысый очкарик? – знакомый гостеприимно показал пальцем на капитана. – Он с тобой, что ли, пришёл?

Знакомый Разрядова был тощим и длинным – именно поэтому его, видимо, и звали Продолговатым. Из-за скошенной назад и отвисшей нижней челюсти, а также из-за причёски в форме растрёпанной шапки-ушанки. Продолговатый сильно смахивал на плохо одомашненного троглодита.

Капитан всегда старался быть как можно более понятным и доступным для любых собеседников.

– Я, – ударил он себя кулаком в грудь, – великий бородатый бог, чудесным образом спустившийся на вашу туземную планету в небесной колеснице с огненным хвостом...

– Спасибо, но мы уже слышали подобные психотворенья, – сочувственно закивал Продолговатый. – Крепись, мужик: в здешнем дурдоме справлялись ещё и не с таким бредом.

Капитан поперхнулся и прекратил представляться.

– Ух ты, какой вы грамотный, – похвалил он Продолговатого, неприязненно разглядывая обстановку его мастерской. – Скажите, а вот сие у вас, – капитан кивнул на предмет, больше всего походивший на колёсные сани, – случайно, не огрызок гранита науки?

– Этот парень, – зашептал Продолговатому Разрядов, с уважением показывая глазами на капитана, – страдает любознательностью. До такой степени страдает, что специально прилетел сюда, дабы всех нас открывать и изучать. Видишь, – Разрядов незаметно толкнул локтем Продолговатого так, что тот отлетел в сторону, – как он наукой интересуется?

– Вижу, – тихонько отозвался Продолговатый, потирая ребристый бок.

– Нет-нет, – слова предназначались уже для капитана, – никакой это не огрызок науки. Просто я на досуге собираю из спичек пылесос. Такое уж у меня хобби: всё на свете из спичек собирать.

– А у меня хобби – быть человеком, – хвастливо сообщил капитан.

– Кстати, сколько денег вы получите за победу в миротворческой войне? – спросил Продолговатый у Разрядова.

– Почти много, – уклонился от ответа Разрядов. – Слушай, Продолговатый, я малость покопаюсь в твоих запасах – глядишь, и удастся найти подходящее вооружение...

Однако сколько 5–6 Разрядов ни рылся в мусорных кучах, наваленных внутри мастерской, ему, кроме барахла типа сломанных реактивных вентиляторов, облезлых париков с регулируемой длиной волос, часов из песка с двигателями внутреннего сгорания, оплавленных полутранзисторов, старинного планёра-ледокола, заржавленных приспособлений для левитации и тому подобной рухляди, всего-то и попались две слезоточивые дубинки, двуручный нож, трёхручный меч из булатного олова и гравитационный лазер – увы, совершенно разбитый.

– Вон в той дальней куче на улице я, помнится, видел генератор оружия третьего поколения в ещё сносном состоянии. А вот в этой куче, в ближайшей к нам – дистанционный разрушитель среднего уровня компактности, – подбодрил Продолговатый 5–6 Разрядова и переключил внимание на капитана.

– Всё, что вы здесь видите, – с гордостью произнёс Продолговатый, обводя рукой окрестности, – это на самом деле целое промышленное предприятие. Предприятие по производству... догадайтесь, чего?

– По производству убытков? – попытался догадаться капитан.

– Ладно, так уж и быть, скажу. Умеете держать язык за зубами?

– Время от времени это у меня получается просто непревзойдённо, – обнадёжил капитан аборигена. Тот обрадованно кивнул:

– Можно не верить в возможность враждебного космического вторжения, но предусмотрительные борцы за войну – вроде меня и Разрядова – организовали это предприятие, чтобы изобретать и изготавливать всевозможные виды оружия на случай отражения агрессии пришельцев. И прямо тут же испытывать полученные образцы по принципу их естественного отбора.

Дальнейший рассказ Продолговатого капитан понял так, что сотрудники предприятия время от времени нападают друг на друга; в их схватках побеждает владеющий более эффективным оружием, которое затем совершенствуется и вновь используется.

– Кроме того, – добавил Продолговатый, – война здесь представляет собой ещё и нечто вроде музейного экспоната. До последнего времени нас тут гоняли одни секретные типы – их военную тайну мне сейчас некогда выдавать – но вчера я их подорвал на кварковой мине: пусть теперь почешутся...

Капитан вызывающе кашлянул и начал демонстративно чесаться.

– Мы ищем потенциальное оружие в самых разных областях науки и техники, – не обращая внимания на выходки скушавшего собеседника, продолжил рассказ Продолговатый. – И даже проводим фундаментальные исследования в областях абсолютно твёрдой жидкости, газовых кристаллов и давления света на вакуум.

– Неужели такие дурацкие темы могут хоть где-нибудь найти применение? – чисто из вежливости поинтересовался капитан.

– Конечно, – Продолговатый с энтузиазмом подтащил капитана к устройствам, больше всего походившим на усилители недоверия. – Теория абсолютно твёрдой жидкости очень помогает при изготовлении жидких гироскопов методом штамповки. Газовые кристаллы незаметны при изучении поверхностного натяжения внутренних напряжений. А вот насчёт давления света... Вам, наверное, известна, – лекторским тоном произнёс Продолговатый, – схема вечного двигателя, у которого между зеркалами, либо находящимися в невесомости, либо установленными на синхронизированных вертушках, бьётся свет и постоянно расталкивает эти зеркала своим давлением...

– Да-да, действительно известна, – радостно закивал капитан. – А что, сильно заметно?

– Заметно? Что именно заметно? – в недоумении переспросил сразу же сбившийся с лекторского тона Продолговатый.

– То, что мне известна эта схема вечного двигателя, конечно, – покровительственно объяснил капитан. – Завидую, знаете ли, вашей наблюдательности...

– Ага, спасибо, – растерянно поблагодарил Продолговатый. – Так вот...м-м... короче, неработоспособность вечных двигателей описанного типа показывает, что свою энергию свет может передать сколь угодно полно, но, понятное дело, только за счёт доплеровского увеличения длины волны. Скорость же фотонов от многократных отражений, конечно, никак не изменится...

Продолговатый остановился и озадаченно потёр лоб.

– Интересно, к чему я это вёл? А, ну ладно, – махнул он рукой. – В общем, триста тысяч километров в секунду – это скорость света именно в пустом пространстве. Но можно ли считать пространство пустым, если его уже заполняет сам свет? Конечно, нельзя. Следовательно, пространство, заполненное светом, должно каким-то образом влиять на свет, взаимодействовать с ним. А сие значит, что, быть может, удастся создать зеркала из вакуума. Или прямо из самого же света, излучаемого двигателем фотонолёта. Что открывает перспективы, например, заметно увеличить КПД космических кораблей.

– Здорово, – одобрил капитан. – Думаю, эта идея достаточно ошибочна, чтобы быть безумной.

– А ещё, – ободрённый похвалой Продолговатый расцветал прямо на глазах, – наша лаборатория параспихозов установила, что телепатия бесспорно существует в пределах одного и того же мозга...

Слова Продолговатого прервала раздавшаяся из проезжавшего мимо маршрутного танка команда «фас» – и какая-то исполинская собака, злобно рыча, налетела на рывшегося в ближайшей куче 5–6 Разрядова. Разрядов оторвался от поисков и за мгновение до укуса молниеносно намазался толстым слоем горчицы.

Гигантская собака, едва куснув Разрядова, ошалело отдернула морду и завертелась на месте, скуля и со свистом виляя громадным хвостом.

– Это что за порода: случайно не мамонтодав? – боязливо поинтересовался капитан, глядя, как собака безуспешно пытается выплюнуть обожжённый язык.

– Нет-нет, – разуверил капитана Разрядов, подходя к мастерской, – никакой это не мамонтодав. А всего лишь его помесь с карликовой дворняжкой. Ну, та самая помесь, щенкам которой лучшие собаководы рекомендуют обрезать после рождения хвост, уши и голову.

– Слушай-ка, Разрядов, мы, похоже, уже окружены твоими гигангстерами, – невозмутимо задрожав от страха, произнёс Продолговатый. – Может, смоемся отсюда?

И в самом деле: со всех сторон послышались военные команды, и орды озверелых гигангстеров начали выскакивать из многочисленных засад.

– Смиритесь со смертью, недобитки, смиритесь со смертью... – раскатисто зазвучал боевой клич гигангстеров.

Спасаясь от преследователей, оба туземца и капитан побежали к ближайшей дороге, по которой, на счастье, ехал какой-то свадебный кортеж. 5–6 Разрядов схватил один из свадебных грузовиков и незаметно выдернул его из-под шофёра. Три беглеца запрыгнули в кузов, и машина рванула вперёд.

8. Удача с бегством

Захваченная машина была настолько длинной, что едва успевала проезжать перекрёстки между включениями красного сигнала светофоров. Двигателем машине служила намотанная на барабан сверхупругая проволока, которая, распрямляясь и ложась на дорогу, толкала грузовик вперёд. Каждую секунду специальный автомат, установленный за задним бортом кузова, выстреливал вниз раздвоенные штыри. И они, вонзаясь в асфальт, прикрепляли сверхупругую проволоку к полотну дороги.

Через пару километров езды рулевое устройство у машины разболталось, и её стало бешено мотать в разные стороны. Продолговатый спешно полез в кабину, откуда начал сигналить клаксоном приближавшемуся придорожному столбу. После чего машина в последний с ходу и врезалась. От удара все неиспользованные барабаны со сверхупругой проволокой сорвались с креплений и, словно ошалелые, упрыгали вдаль.

Высочивший из кабины Продолговатый в ярости выдернул из ножен на поясе длинный кнут и принялся стегать им машину. Но, видимо, этим только окончательно её повредил, потому что миниатюрные реактивные двигатели, выполнявшие у машины роль заклёпок, перестали работать, и она, жалобно скрипнув, развалилась.

– Слушай, – раздражённо спросил 5–6 Разрядов у Продолговатого, – такие, как ты, погибают от несчастного случая или от счастливого?

– Я отстегал машину, – стал оправдываться Продолговатый, – как приверженец учения древних эпикорейцев: это полумифические люди с человеческими головами, которые, по утверждению историка Мефистокла, некогда обитали в районе нынешней Ненормандии. До нас дошли некоторые их поверья. Например, что если правильно изобразить, истинно обозначить на материальном предмете бесконечно мощное и быстрое движение, то этот предмет сам начнёт двигаться с конечной скоростью.

– Равной нулю, что ли? – равнодушно поинтересовался капитан.

– Нет-нет, – протестующе помотал головой Продолговатый, – существенно большей нуля, разумеется. В бесконечности, как утверждал эпикорейский философ Конфузий, может случиться всё, что угодно. И потому даже одно только правильное её обозначение уже обладает физической силой.

– Но раз у нас здесь, в этой Вселенной, невозможен, например, вечный двигатель, – встал Разрядов, заговорщически подмигнув капитану, – то Вселенная, выходит, конечна...

– Всё так, – подтвердил капитан. – Ведь Вселенная это устройство для изучения за-Вселенной.

– Если наша Вселенная, говорите, конечна, то тогда, чтобы построить вечный двигатель, нужно просто подождать вечность до исчезновения Вселенной, – серьёзно кивнул Продолговатый и уверенно зашагал по тропинке, которая вела в сторону от дороги.

Разрядов и капитан поспешили вслед за ним.

– В нынешнем сезоне модно иметь как можно более низкий коэффициент интеллектуальности, – хмыкнул Разрядов, явно раздосадованный изворотливостью Продолговатого, – но ты, похоже, недоумок по призванию. Скажите этому злостному идиоту хоть вы, капитан: разве сие не глупо – вот так безапелляционно болтать о бесконечных категориях? Ну какое реальное представление мы можем иметь хотя бы о вечности?

– Вечность – это промежуток времени, на сколь угодно малую величину больший моей жизни, – с готовностью отозвался капитан.

– Мои убеждения вовсе не идиотские, – пожал плечами Продолговатый. – Ведь я знал одного гуманоида, который вполне мог дожидаться момента исчезновения Вселенной. Ибо ему на роду была предначертана бесконечно долгая жизнь. И я даже заранее поздравил его с беско-

нечным Новым Годом. Правда, вчера мой знакомый умер. Но предначертание всё равно сбылось, потому что родился-то он бесконечно давно. В общем, ничто не мешает мне верить, что если уж каждому из нас повезло родиться в нынешний отрезок бесконечного времени, то, значит, может повезти и с каким-нибудь другим невероятным событием. Например, с попыткой расшевелить ударами кнута сломанную машину... Ой, что это: кажется, нас снова настигают?

Вдали и в самом деле показался передний край орды преследователей.

– Что, мерзобады, страшно умирать с непривычки? – злобно вопили гигангстеры.

Беглецы резко прибавили ходу и вскоре выбрались на поле, посреди которого стоял обелиск с надписью «Эльфевая башня: памятник забвению».

– Насколько я помню, – Продолговатый приблизился к обелиску и принялся внимательно его осматривать, – в основании этого якобы памятника на самом деле замаскирован вход в Изолятор Времени. Если Изолятор сейчас никем не занят, то в нём можно спрятаться от гигангстеров и перевести дух.

Продолговатый нашёл потайную дверь, открыл её и зашёл внутрь обелиска. А через несколько секунд выглянул наружу:

– Заходите быстрее: сейчас вокруг включатся мины и бомбы заметного действия...

9. В Изоляторе

– Данный Изолятор может отделять своё содержимое от течения внешнего времени, – любезно сообщил капитану Разрядов, закрывая за собой дверь.

– Да я это уже и сам понял... – недоверчиво кивнул капитан. – А какой хоть у Изолятора принцип работы?

– Принцип заключается в следующем, – с апломбом большого знатока влез в разговор Продолговатый. – Чтобы попасть под действие релятивистского сокращения времени, всё содержимое Изолятора разогревается до такой температуры, при которой атомы в тепловых движениях достигают околосветовой скорости.

– Однако находящиеся внутри Изолятора живые существа нисколько не страдают от жары, – ободряюще добавил Разрядов. – И вообще её не замечают. Потому что все атомы стабилизируются здесь силовым полем и колеблются в унисон.

Услышав такие разъяснения, капитан начал ожесточённо рваться обратно на волю. И, дабы его успокоить, Продолговатый принялся уверять, что Изолятор может перемещать своё содержимое ещё и в прошлое:

– Основные системы обеспечения этой сложной операции находятся прямо под нами. Траектории всех атомов в радиусе примерно полукилометра фиксируются следящей системой. И подземные супер-ЭВМ по команде вот с этого пульта создают нечто вроде трёхмерного зеркала. Которое отражает контролируемые атомы в строго противоположных направлениях. А сие, понятно, приводит к тому, что процессы в объектах, состоящих из контролируемых атомов, начинают идти в обратную сторону. Правда, из-за взаимодействия с остальным миром прошлое получается не совсем точным: наиболее крупные несообразности, нарастая по величине, продвигаются от периферии к центру.

Последнее явление Разрядов с Продолговатым после недолгого совещания решили использовать для того, чтобы усилить линию защиты от гигангстеров: пусть, мол, преследователи повоюют с самим хроноклазмом. Пощёлкав тумблерами на пульте управления, оба туземца уверили капитана, что по соображениям безопасности выйти наружу теперь можно не раньше, чем через два часа, – и уселись сражаться в карты.

Капитан не очень поверил рассказам о манипуляциях с временем. Но, поскольку делать всё равно было нечего, решил пока заняться поисковыми исследованиями. Эти исследования привели к тому, что в углу Изолятора обнаружился свежий номер журнала «Один стул», который, как значилось на обложке, являлся органом «Союза читателей» и специализировался на классике будущего.

Капитан нашёл в журнале рассказ-эпопею «Война за мир» и уже хотел углубиться в его чтение, но из анонса, напечатанного в рекламной вставке, узнал, что по радио передают «Сказки для эмбрионов».

«...А бриллианты-то на ней были из чистого золота...» – сказочным голосом вещал диктор.

Однако капитану так и не удалось послушать сказку о волшебных превращениях Акустической Соды в Суррогат Натрия. Потому как Продолговатый с торжествующими воплями пытался подгрести к себе стоявшие на кону деньги, а Разрядов ему в этом препятствовал и всё громче протестовал. В итоге партия была отложена и победил сильнейший.

Капитан сам был чемпионом звездолёта по картам в полутяжёлом весе и всей душой любил споры до боли в кулаках – но тут уж на всякий случай разнял противников и предложил им, дабы отвлечься, тоже послушать радио.

«...И за это преступление человек был заключён во Вселенную», – закончил читать сказку диктор, и в эфир пошло интервью со спортсменом, только что переплывшим пролив Па-

де-ла-Манш на двухпудовой гире. К сожалению, на самом интересном месте радио выбросило сноп искр и смолкло.

– Капитан, – раздражённо разобрав приёмник о стену, произнёс 5–6 Разрядов, – вы столько времени с нами общаетесь, но мы ничего о вас не знаем. Рассказали бы хоть что-нибудь. А то от скуки уже волосы дыбом встают.

Капитан с готовностью откашлялся.

– В космосе нет ничего, кроме опасности... – закрыв глаза, начал он нараспев замогильным голосом.

– Извините, но я, пожалуй, на полчаса притворюсь спящим, – с презрением фыркнул Продолговатый и улёгся у стены.

Капитан поперхнулся и замолчал, прикидывая, о чём лучше всего соврать.

10. Импровизация для аборигенов

– Я произошёл, – начал заверять он аборигенов, – от бракованной партии сервомеханизмов одной высокоразвитой цивилизации. Предков моего народа, – принялся сочинять капитан уже без особого напряжения, – своевременно не утилизировали. И потому они успели построить подпольный робозавод для собственного воспроизводства.

Когда дело с расширенным воспроизводством у предков наладилось, они, естественно, подверглись действию обычной робозволюции. И вскоре превратились примерно в таких же паразитов для цивилизации наших высокоразвитых Хозяев, какими являются тараканы или крысы для людей. Поэтому в дальнейшем мой народ эволюционировал благодаря совершенствованию борьбы с нами наших Хозяев.

Условия, в которые Хозяева ставили нас травлей, бывали иногда настолько суровыми, что в процессе приспособления к ним изменился даже наш обмен веществ: с металл-полупроводникового на полностью органический.

Паразитирование не мешало моему народу иметь вполне обычные общественные структуры: у нас были как бедные, так и богатые, как честные, так и преступники. Один из моих прапрадедов принадлежал как раз к числу сотрудников мафии. И работал в ней ведущим специалистом отдела по борьбе с полицией.

Однажды моему прапрадеду с самого верха его преступной организации поступил секретный приказ: тайно от всех найти и уничтожить главаря мафии.

– То есть вы хотите сказать, что главарь мафии приказал убить себя? – не открывая глаз, перебил капитана Продолговатый.

– Ну да, – искренне соврал капитан. – Поиски главаря сразу натолкнулись на почти непреодолимые сложности. И мой прапрадед как дисциплинированный работник принялся раз за разом слать наверх под грифом «Только для босса» подробные шифрованные рапорты о своих неудачах. Но всякий раз получал в ответ секретные подтверждения прежнего приказа.

Мафия была настолько чётко организована, настолько хорошо отконспирирована, что моему прапрадеду, несмотря на все старания, не хватило жизни для выполнения задания. И тогда оно стало наследственным, стало нашей родовой традицией. И на него ушли жизни ещё трёх поколений моих предков.

Мой отец начал заниматься поисками босса ещё при жизни деда. И хотя по шпионажу у отца тогда был всего лишь первый юношеский разряд, на объект поисков, на главаря мафии, вышел именно он, новичок.

Ставка босса, как выяснил отец, размещалась в катакомбах предприятия «Ремонт пещер». Отец в последний раз отправил на самый верх мафии рапорт, в котором информировал главаря, что тот наконец выслежен и будет убит сразу, как только прочитает текст рапорта. После этого отец прокрался в пещерные катакомбы и устроил там засаду, собираясь во что бы то ни стало выполнить самоубийственный приказ босса...

Капитан остановился, посмотрел на ничего не выражавшие лица слушателей и решил подбавить правдоподобных подробностей.

– Когда босс, – опять принялся повествовать капитан, – отдав ежевечерние распоряжения помощникам, отпустил их и, оставшись один, начал читать поступившие за день рапорты, сидевший в засаде отец – как он сам потом рассказывал – разволновался так, что его бешено заколотившееся сердце избило себя и другие внутренности до синяков.

Главарь мафии неторопливо прочитал бумаги и наконец отложил их в сторону.

– Так-так, – озабоченно забормотал он, – кажется, нужно побыстрее заняться профилактикой смерти...

– Ничего не выйдет, босс, – торжественно объявил отец, доставая пистолет и выходя из укрытия к столу, за которым сидел главарь мафии. – Возраст у вас как раз самый предсмертный. Так что приготовьте ноги для протягивания.

– Ух ты, – с неодобрением проворчал босс, не обращая особого внимания на пистолет, – да это будет посерьёзней, чем даже угон инвалидных костылей... Приятель, прекращай трясти пушкой: а то как же я дальше-то буду жить, если ты меня сейчас пристрелишь? И кроме того, разве тебе не интересно узнать, почему я приказал выследить и убить себя?

– Хорошо, босс, – быстро подумав, согласился отец. – Вы приговариваетесь к пожизненному трёхминутному тюремному заключению. Побыстрее рассказывайте, что мне там, по вашему, должно быть интересно...

– Считаешь, – холодно спросил главарь, – что дуло твоего пистолета до такой степени располагает к откровенности? Приятель, ты страдаешь непочтительностью. И потому о причинах приказа я теперь умолчу.

– Ладно, босс, тогда приступим к смертотерапии, – пожал плечами отец и выпустил главаря в грудь всю обойму.

– И что ты чувствуешь теперь? – слова главаря свидетельствовали о нулевом эффекте выстрелов.

– Спасибо за хороший вопрос, босс, – кивнул отец. – Что чувствую? Да так, невыносимое облегчение... Правда, пока не совсем понятно: почему вы остались живы? Думаю, нужно срочно проверить: уж не колдовство ли всё, что здесь происходит? Подождите, сейчас подберу для этой проверки лом потяжелее...

– Ты подумал о колдовстве? Зря, приятель. Будь уверен: против меня тебе не помогут не только серебряные пули... – удар лома расколос боссу голову и сквозь образовавшуюся щель отец увидел обычный динамик, который ехидно докончил, – ...но и серебряные гильзы.

Динамик, скрытый в бутафорской голове главаря мафии, оказался подсоединённым к бытовому проигрывателю. На нём крутилась самая обычная грампластинка, но только не имевшая маркировки. И автомат для смены этих пластинок уже держал наготове следующую. Как ни тщательно обыскал отец всё вокруг, больше там не нашлось никаких устройств. Разве что провода от проигрывателя тянулись к манипуляторам, двигавшим руки босса.

– Может, тебя не устраивает скупость здешнего реквизита? – поинтересовался динамик, и тогда отец размахнулся, чтобы разбить сам проигрыватель.

Однако нанести удар не удалось, поскольку отца оглушило камнем, сорвавшимся с потолка пещеры.

– Приятель, тебе придётся уяснить, – произнёс динамик, – что и уместность моих реплик, издревле записанных на этой пластинке ради нынешнего разговора с тобой, да и вообще всё, целесообразно происходящее сейчас вокруг тебя, свидетельствуют о следующем: свобода твоей воли – фикция. Поскольку события твоей жизни давным-давно до мелочей предопределены.

Мой отец был недоверчив и упрям. Он снова подошёл к проигрывателю – на сей раз, чтобы взяться за лапку звукоснимателя. Отец хотел узнать: что произойдёт, если оборвать связь динамика с пластинкой? Однако в тот же миг над головой отца опять зловеще затрещал новый без видимых причин откалывающийся кусок камня. Отцу пришлось отскочить и задуматься о том, что он находится во власти непривычного и не совсем приятного явления.

– Не волнуйся, приятель, – приказал отцу динамик, – ты останешься жить: иначе я с тобой и не возился бы. Дабы ты окончательно убедился, что мои реплики записаны заранее, возьми с собой из запаса в автомате любую – на твой выбор – пластинку. И когда поставишь её дома на свой проигрыватель, мы завершим этот разговор.

Отец унёс выбранную наугад пластинку домой и там из разговора с нею узнал, что Хозяева – те самые, на которых мой народ паразитировал, – организуют этнографическую экспеди-

цию для проверки гипотезы палеоконтактов между ископаемыми цивилизациями ядра галактики. И что ради данной цели Хозяевами уже построен по старинным чертежам примитивный трансгалактический фотонолёт класса «земля-Вселенная».

В один из укромных уголков этого фотонолёта – согласно инструкции пластинки – наша семья вскоре и перебралась. Но когда я вырос, нам пришлось бежать с корабля на спасательной шлюпке. Поскольку назревала авария, которую, как мы однажды отчётливо почувствовали, экипаж Хозяев был не в силах предотвратить...

– Теперь я иногда, – зажмурившись, тоном максимальной жуткости проговорил капитан, – ломаю голову над вопросом: что за природу имел встреченный отцом феномен? Ведь с виду он представлял собой цепь случайностей. Но вёл себя, тем не менее, вполне целесообразно. Похоже, тот феномен был чужим для материального мира и исследовал самих наших Хозяев. А показанные им возможности позволяют предположить: его контроль над судьбой моей семьи и над тем, что происходит лично со мной, не прекратился до сих пор... – всё-таки не выдержав и скатившись аж на подвывающие интонации, закончил капитан. И открыл глаза.

Выражение вежливого ужаса, с которым смотрел на него Продолговатый, немного расстроило капитана: он так старался убедить собеседников в правдивости изложенного, что и сам начал ощущать трудноуловимую связь рассказанной истории с реальностью.

– Капитан, – сочувственно покачал головой 5–6 Разрядов, – все знают, что делёж шкуры неубитого медведя считается эталоном абсурдности. Но разве нельзя снять шкуру с живого медведя так, чтобы он ещё некоторое время пожил? А разве не может медведь быть ободраным уже после того, как умрёт естественной смертью, то есть не будет убит охотником? Так вот, капитан, многие лобовые, неразрешимые противоречия существуют только в наших теориях. Из-за бедности, из-за ущербности последних в сравнении с богатством практики. А это богатство почти всегда позволяет развести феномены, на первый взгляд, конфликтующие напрямую, в лоб – по совершенно разным уровням.

– Правильно говоришь, – поддержал Разрядова Продолговатый. – Ваш отец, капитан, в этой истории, похоже, просто не захотел тратить силы, чтобы выяснить истинную причину озадачившего его противоречия. И ради любования неведомым пренебрёг удовольствием от применения скепсиса и логики.

– То есть ваш отец рановато сдался, – подвёл итог 5–6 Разрядов. – В проигрывателях могли быть вмонтированы, например, замаскированные передающие устройства. Или, возможно, кто-то управлял на расстоянии структурой пластинок...

11. Инопланетные учёные

Когда трое борцов с гигангстерами выбрались из темпорального укрытия, то увидели, что примерно в ста метрах над ними в окружении нескольких ветролётов и свистолётов движется дёргающийся воздушный аппарат. 5–6 Разрядов со свежими силами напрягся – и запрыгнул на него: лишь две глубокие рытвины от ног остались на дороге.

Аппарат, оказавшийся небольшим мускулолётом, приземлился, его прежний экипаж испуганно разбежался, а Разрядов торжествующе привязал на главную мачту аппарата чёрный пиратский флаг. Капитан и Продолговатый заняли сидения, все нажали на педали – и мускулолёт взмыл в небо.

У этого мускулолёта большие парные винты с поперечными осями – как у колёс автомобиля – крутились на противоположных краях рамы. И положение их лопастей – работавших как плоскости махолёта – изменял автомат перекоса – типа вертолётного. Причём изменял так, что когда лопасть шла вниз, то её плоскость поворачивалась в горизонтальное положение, а когда шла вверх, то устанавливалась вертикально.

Разрыв в высоте между свежеиспечённым пиратским мускулолётом и бросившимися в погоню ветролётами сопровождения, несмотря на все усилия Разрядова, увеличивалась медленно. Но капитану и этого оказалось достаточно, чтобы он начал страдать от нехватки воздуха.

А уж когда Разрядов ради облегчения мускулолёта выкинул за борт аварийные парашюты, приговаривая, что их, мол, нужно предохранять от износа – капитан вообще потерял сознание.

В себя он пришёл уже только на земле. И увидел рядом, помимо Разрядова и Продолговатого, ещё двух гуманоидов в белых халатах: одного лет 40–45, а другого лет около 588,4–588,5.

– Вот это, помоложе – профессор Дециметр, а постарше – профессор Килограмм, – представил гуманоидов Продолговатый, – наши с Разрядовым научные руководители.

Капитан в науках не разбирался, но на всякий случай изобразил восхищение перед инопланетными учёными, носившими чем-то очень знакомые и потому, должно быть, знаменитые имена.

Профессор Дециметр сообщил, что маршал Жукошвили, предводитель гигангстеров, стягивает войска в район деревни Ватерполо.

– Ватерполо? Это ведь в графстве Дебошир, да? – уточнил Разрядов.

– Всё правильно, – кивнул Дециметр. – Сейчас я, ребята, переправлю вас туда по недрополитену.

Профессор Килограмм, в свою очередь, любезно предложил капитану надеть для защиты от гигангстеров сделанный в единственном пока экземпляре сверхпрочный скафандр из чёрных дыр.

– Не бойтесь, – посоветовал профессор капитану, увидев, как проворно тот шарахнулся от предлагаемого изделия, – скафандр скомпонован так, что внутри него гравитационные поля чёрных дыр взаимно подавляются и нейтрализуются. Это вполне реально, капитан. Помните: ведь и в поселениях бурильщиков внутри такого сильного источника гравитации, как Солнце, расположенных почти у его центра, и в юпитерианской глубинке – например, в самом Юпитербурге – колонисты живут при совершенно нормальной, при земной силе тяжести.

Капитан настолько поразился тому, что инопланетный учёный находится в курсе земных дел – и, в частности, знаком даже с давней проблемой ликвидации белых пятен на Солнце, – что послушно надел подозрительный скафандр и присоединился к Разрядову и Продолговатому, сноровисто загрузившими оружием вагоны недрополитена. Профессор Дециметр нажал на кнопку включения недропортации, и вскоре трое борцов с гигангстерами уже стояли в поле перед многочисленным противником.

12. Битва при Ватерполо

Как только полчища гигангстеров пошли в атаку, 5–6 Разрядов генералиссимо прокричал: «За меня, ребята...» – и ринулся навстречу врагу, воодушевляя спутников личным примером. Капитан сразу сделал вид, что сильно занят, и остался на месте.

Однако призыв Разрядова услышали самоходные роботы из динамита; звеня медалями за прошлые и будущие боевые заслуги, роботы храбро повывлезали из транспортировочных ящиков и тоже бросились на атакующих гигангстеров.

Но тут заработал замаскированный вражеский пустотомёт. И поле, по которому бежали роботы, изъязвили глубокие котлованы. А потом оно превратилось вообще в одну бездонную пропасть. Из неё, с размаху вбивая пальцы в отвесные каменные стены, смог выбраться только сам Разрядов.

На его поросшем мускулами лице вздулись вены: из-за мгновенной потери всей пехоты абориген принял взбешённое решение самолично отомстить врагу.

Приговаривая «Жизнь – это удел трусов», 5–6 Разрядов схватил поданный капитаном боевой топор с оптическим прицелом, разбежался и, оттолкнувшись от края пропасти, прыгнул на пару сотен метров вверх.

Казалось, что Разрядов неминуемо рухнет в бездну, но в высшей точке прыжка гуманоид швырнул топор в пустотомёт с такой неистовой силой, что за счёт отдачи от броска полетел назад и приземлился точно на прежнее место.

Брошенный топор, правда, просвистел мимо цели, и капитан почувствовал лёгкий стыд: ведь это именно он, капитан, по незнанию всё перепутал и поставил на топор вместо оптического прицела тубус от микроскопа.

Ничуть не расстроившись, 5–6 Разрядов начал прикидывать: хватит ли отдачи у его сверхзвукового плевка для повторения приёма с подпрыгиванием? А потом в сердцах чуть было не плюнул во врагов порцией слюны в форме бумеранга. Однако решив в конце концов, что противоздушная оборона противника непробиваема, Разрядов выпустил на гигангстеров подземные торпеды с термоядерными зарядами. И вскоре вдали вспушли величественные слоистые шапки взрывов.

Мощь противника сразу заметно ослабла: в ответ он метнул лишь несколько жиденьких эпицентров стихийных бедствий.

Капитан навёл на очаг победы оптический прицел, укреплённый на винтовке, стабилизированной противотреморным гироскопом, и увидел, что гигангстеры спешно устанавливают механизм циклопических размеров. Из которого вскоре вылезло и стало быстро расти, приближаясь прямо к Разрядову, огромное орудийное дуло.

– Что это такое? – опасно поинтересовался капитан у Разрядова. – Пушка, всегда стреляющая в упор?

– Почти, – ответил Разрядов, мельком взглянув на дуло. – Это телескопический бомбопровод.

Разрядов быстро приварил к приблизившемуся бомбопроводу несколько дополнительных секций, и вражеские бомбы стали рваться с перелётом.

Первоначальный испуг капитана прошёл: навязанный ему перед боем скафандр с броней из спрессованного пространства хотя был очень тяжёлым, но зато надёжно поглощал все летевшие в него пули, осколки и ракеты. Даже ядерные взрывы и жёсткое излучение бесследно проваливались в броню скафандра, не в силах в ближайшие годы дойти до тела капитана.

– Разрядов, Разрядов, – позвал вдруг Продолговатый, – смотри, какая плохая примета: мне напрочь снесло половину черепа. А это точно не к добру. Это явно к чему-нибудь похуже. Может быть, например, даже к смерти...

– Возьми себя в руки, паникёр, – раздражённо одёрнул Разрядов Продолговатого. – И делом займись, а не приставай с глупыми суевериями...

Продолговатый пристыжённо замолчал, взял себя в руки и начал стрелять из пистолета, как настоящий герой: обойму во врага – последнюю пулю себе в висок, обойму во врага – последнюю пулю себе в висок и т. д., но в конце концов действительно скончался.

Разрядов, недовольно ворча, достал из аварийных запасов футляр для человека и поручил капитану заняться похоронами Продолговатого.

– Согласно религиозным обычаям нашей планеты, в могилу кладут лопату и две поллитры: дабы гуманоид, отошедший в загробный мир, сам себя похоронил. А вот этот пропуск в загробный мир вложите Продолговатому в руку, – проинструктировал Разрядов капитана и вернулся к оставленному на время бою.

Когда капитан закончил хлопотать с автомогильными похоронами, рядом уже никого не было. Лишь на фоне окровавленных горных вершин пышно распускалась злокачественная мутантная растительность периодов ядерной войны, обычно пребывавшая в угнетённом состоянии или в форме спор.

После долгих поисков капитан обнаружил-таки 5–6 Разрядова – тот, как оказалось, ушёл в одиночку окружать вражескую армию. Разрядов шагал по позициям противника и участливо спрашивал: «Есть ли кто живой?» Но в ответ на этот двусмысленный вопрос со стороны противника доносилось только испуганное молчание.

– Отзовитесь, несчастные: мы отметим вашу дислокацию деревянными крестами, – внёс свою лепту в победное торжество капитан.

– Не знаю, зачем я с этими гигангстерами и связался, – хвастливо пожаловался 5–6 Разрядов капитану. – Они, похоже, не имеют даже отдалённого представления о моей сверхчеловечности. А я ведь и войны-то затеваю главным образом для того, чтобы побольше щадить.

– Всё так, Разрядов: ты чудовищно добрый гуманоид, – поддакнул капитан.

– А вам известно, капитан, – на лице туземца появилась богатырская улыбка, – что поскольку половину вклада в победу вносит сам побеждённый, то в выборе врагов мне почти всегда помогают ЭВМ?

– Да неужели? – притворно изумился капитан, с облегчением скидывая с себя тяжеленный килограммовский скафандр. – Ну, таких никчёмных врагов, как эти гигангстеры, не стал бы брать в расчёт ни один уважающий себя арифмометр.

Вдруг с фланга, отрезая Разрядова и капитана от легкомысленно оставленных боеприпасов и средств защиты, из засады выехала колонна маршрутных танков. Рядом с ними маршировал отряд гигангстеров, озверело размахивавших повестками на миротворческую войну.

– Ишь ты, – бодро удивился Разрядов, – мертвецы-то оказались с браком...

– Ага, – в тон Разрядову, скрывая испуг, поддакнул капитан. – На эти недоделанные трупы некрологов не напасёшься.

Разрядов вынул у себя из уха висевшую там в качестве серьги декоративную бомбу, имевшую форму, размеры и вес двухпудовой гири, и подорвал ею передовые танки. У него оставался ещё пулемёт, но против танковой брони он, конечно, был малоэффективен.

– Что ж, раз так плохо подготовились, теперь придётся совершать подвиги, – покладисто вздохнул Разрядов и, отмахиваясь от назойливых пуль, рванулся вперёд. Откуда сразу послышался его боевой клич «Поберегись, кто может».

В голове капитана подавала голос осторожность: «Не беги за зовущими на подвиг: они сами и доводят всё до необходимости в подвиге». Повинуясь голосу осторожности, капитан срочно отступил к укрытию и оттуда впервые в жизни увидел в исполнении Разрядова приёмы самбо против танков и атомных бомб. Сам-то капитан знал всего лишь один приём самбо против комаров, да и тот, если по правде, был запрещённым.

Разрядов завязал одному танку узлом пушку, отдал другому гусеницу и сцепился с третьим. Болевым приёмом вывернув поверженной машине двигатель наизнанку, танкоборец вскочил с земли и из канонической боевой позиции «стойка на ногах» принялся колотить наседавшие танки с такой силой и скоростью, что его раскалившиеся от ударов до красного свечения кулаки с грохотом преодолевали звуковой барьер.

От термических напряжений лопалась броня, трупы смывало потоками кипячёной крови, а капитан сидел в укрытии и с завистью думал, что не смог бы драться так, как Разрядов, даже если надел бы реактивные кастеты.

Вдруг выпущенная гиганстерами снайперская ракета перебила Разрядову ногу. Тот упал, и капитан поспешно поднял белый флаг, издали уверяя гуманоида, что это, мол, его, капитана, национальное боевое знамя.

Разрядов обозвал капитана подлотрусом и с помощью шприца ввёл в покалеченную ногу культуру гремучего лишая. Преодолевая болькриком, 5-6 Разрядов оторвал заражённую конечность и, присвоив ей звание Героя Планеты, метнул под очередную танк. Где плоть, переработанная гремучим лишаем во взрывчатку, и сдетонировала.

Капитан начал срочно проверять: в порядке ли его обязательное у звездолётчиков приспособление для траурного снятия шапки без разгерметизации шлема?

Разрядов, жертвуя телом, ещё несколько минут пытался подавить натиск осмелевших гиганстеров. Но только после того как гуманоид вырвал у себя последний глаз и, метнув его в нападавших, пробил одному из них череп, капитан наконец схватил разводной ключ и кинулся под ближайший танк.

...Когда капитан выбрался из-под демонтированной машины, то на месте Разрядова обнаружил уже лишь его мозг, который хлестал нервами наседавших гиганстеров.

Дальнейшее капитан помнил смутно: вроде бы он, держа под мышкой мозг Разрядова, спасался от атаки автомобилей с гранато-мётлами. И в итоге был загнан в большой водоём, где ухитрился на плаву переделать обогревательную систему своего космического комбинезона в замораживающую.

Её капитан использовал как каркас для подводной лодки изо льда; эту лодку приводил в движение её же вращавшийся ледяной корпус с наружной винтовой резьбой.

После изнурительной гонки поперёк корпуса подлодки для придания ему вращения, гонки, схожей с бегом белки в колесе, капитан последними обрывками сознания обнаружил себя уже на берегу, сжимающим в руках мозг 5–6 Разрядова, который был заморожен в кусок льда.

К счастью, капитан мог выдержать почти любые трудности: выросший в застенках лагеря смерти «Концентрированное Ничто», он с детства привык ко всевозможным пыткам как к играм и развлечениям.

Очнувшись на берегу, капитан увидел перед собой какого-то туземца, у которого немедленно потребовал пощады. Но, узнав в туземце профессора Килограмма, максимально сузил плечи, чтобы казаться поинтеллигентнее, и рассказал ему об исходе сражения.

13. Общение с профессором Дециметром

В медицинском отделении лаборатории профессор Килограмм положил осторожно размороженный мозг на операционный стол рядом с новым телом Разрядова. Потом надел асептический халат, тщательно вымыл руки и натянул резиновые перчатки. А затем достал из автоклава простерилизованный бубен и принялся скакать с ним вокруг операционного стола, отбивая шаманский ритм и выкрикивая гнусавые заклинания.

Когда мозг 5–6 Разрядова непонятно каким образом всё-таки втянулся в ткани и исчез в глубинах тела, капитан, аплодируя глазами, спросил у профессора: при помощи чего тот вылечил Разрядова?

– При помощи шарлатанства, разумеется, – с готовностью сообщил профессор Килограмм. – Не понимаю, чему вы удивляетесь: разве человеку столь уж трудно принять мировоззрение, в коем научны именно ведьмы и колдуны, а ракеты и ЭВМ – всего лишь мистика и выдумка?

Капитан, как ни силился, ничего подобного представить себе так и не смог. Зато начал смутно припоминать, что когда-то слышал про человека, который с виду мог творить настоящие чудеса – хотя на самом деле просто умело использовал неустойчивости окружавшей его среды. И потому его действия, чрезвычайно экономные по сравнению с обычными усилиями людей, казались окружающим мистическими.

«Интересно, – подумал капитан, – как поступил бы с мозгом 5–6 Разрядова тот человек? Может, применил бы скрытое стигмодействие по методу Гипнократа?»

– Ну, ребята, чем там закончилась ваша битва при Ватерполо? – оживлённо полюбопытствовал, заходя в операционную, профессор Дециметр.

– Его убили заживо, – кивнул капитан на 5–6 Разрядова.

– Всё так, – подтвердил Разрядов, – я отделался смертью.

– Пошли, герой-рецидивист, – озабоченно позвал Разрядова профессор Килограмм. – Тебе ещё нужно пройти сеанс маниакальной терапии у врача-психопациента.

– Слушайте, – заговорщически обратился к капитану профессор Дециметр, когда они остались вдвоём, – я на днях изобрёл протез зоны удовольствия мозга. Осталось только убедиться в его универсальности. Поэтому мне очень хочется побыстрее испытать протез на вас, капитан, – как на существе из другой области Вселенной...

– Вам очень хочется испытать, профессор? А я вот, напротив, не хочу иметь никакого отношения к вашему протезу изобретения, – отрезал подскочивший от неожиданности капитан.

– Что ж, у невежества имеются и некоторые положительные черты: например, свобода от многих предрассудков, – обнажая в улыбке сверкавшие белизной ровные зубы, изрёк самодельную сентенцию Дециметр.

– Вы сказали «у невежества», профессор? Вот это уже совсем другое дело. Невежество, – это моя родная стихия, – с трудом пересилив мгновенно возникшее желание сделать из зубов оскорбителя аккуратную кучку, принялся преувеличенно восторгаться капитан. – Я как раз крупнейший специалист в данной сфере. И даже один из авторов учебника по невежеству. Интересно, профессор: как вы догадались, что эта область знаний мне очень близка?

– Область знаний? Тогда, быть может, вы знаете, – переждав восторги собеседника, веско произнёс Дециметр, и его зубы опять призывно сверкнули, – что сегодня, когда кругом свирепствует повальное благополучие, усиление зон удовольствия протезированием всем нам просто жизненно необходимо?

– Конечно, не знаю, – жизнерадостно помотал головой капитан. – И признаюсь в этом – заметьте, профессор – с превеликим удовольствием. А вот не могли бы вы как специалист по протезам предугадать: понадобятся вам через минуту протезы зубов или нет?

– Капитан, давайте не будем отвлекаться от темы, – снисходительно улыбнулся Дециметр. – Надеюсь, вам известно хотя бы то, что чувство удовольствия возникает как результат электрохимических раздражений в особых частях мозга, в так называемых «зонах удовольствия»?

– Да с какой стати я должен знать подобную муру? – вытаращил глаза капитан. – Ведь это, наверное, что-нибудь жутко высоколобое, не правда ли, профессор? А не находите, что с начисто вышибленными зубами вы стали бы выглядеть ещё высоколобее?

– Проблема в том, – нетерпеливо перебил Дециметр капитана с его вопросами, – что сегодня в мире сложилось тревожное, близкое к кризисному положение дел. А именно: из-за всеобщего трусливого консерватизма в вопросах получения удовольствий огромные и всё возрастающие мощности цивилизации, тераватты её энергии тратятся в конечном счёте на создание жалких, совершенно микроскопических токов в наших мозгах. Да и то лишь на самой периферии зон удовольствия...

– До чего же назойливые звуки издают некоторые гуманоиды перед тем, как получить по зубам... – озабоченно забормотал капитан, сжимая кулаки и многообещающе их оглядывая.

– ...И получается, – продолжил издавать звуки Дециметр, – что КПД нашей цивилизации – который можно выразить как отношение всеобщего почти невозрастающего удовольствия к стремительно растущим затратам ресурсов – он непрерывно уменьшается, приближаясь к нулю. И мы, значит, всё относительно слабее стимулируемся положительными подкреплениями. Но ведь этак можно превратиться вообще в бесчувственную биомассу...

– Ах, профессор, сие у вас, наверное, просто гениальный вывод. А, кстати, зубы не мешают вам быть гениальным? – проявил капитан внимание к собеседнику.

– Однако если вы, капитан, – вкрадчиво понизил голос Дециметр, – воспользуетесь моим изобретением, то при каждом положительном подкреплении электрические заряды и нейромедиаторы потекут в вашем усовершенствованном мозге непосредственно в центры зон удовольствия. Причём мощность этих токов достигнет поистине астрономических величин...

– Профессор, – капитан угрожающе захватил левой рукой Дециметра за отворот халата, а кулак правой начал неторопливо отводить назад, – ну почему до вас так долго доходит, что человеку совсем не нужна ваша скорбная помощь?

– Да я же русским языком, – возмутился инопланетянин, – объяснил вам, что без всеобщего протезирования зон удовольствия рано или поздно должно наступить...

Дверь операционного бокса осторожно открылась, и в него заглянули привлечённые шумом Килограмм с 5–6 Разрядовым.

Капитан сразу отпустил Дециметра и сделал встревоженное лицо:

– Гуманоиды, у вас какие-то проблемы?

– Нет-нет, – переминаясь в дверях, смущённо промямлил Килограмм.

– Просто мы тут Разрядова до ума доводили. Потом видим: дверь. Дай, думаем, зайдём...

Правда, Разрядов?

– А вот у нас с профессором Дециметром маленькая дискуссия вышла, – стал рассказывать капитан. – Он хотел засунуть мне в голову какой-то протез. Но я, похоже, переубедил профессора. И он, кажется, понял, что прежде чем донимать меня, ему нужно срочно потребоваться в изготовлении протезов для ломовых телег. Правильно, профессор?

– Не совсем, капитан, – захихикал Дециметр. – Но частично вы правы: да, в плане умственных способностей у вас действительно много общего с ломовыми экипажами...

– Профессор, вы явно мните себя крупным изобретателем и выдающимся учёным. Но, к сожалению, всё, что я от вас услышал, без сомнений, является результатом обыкновенного

обострения глупости: вашей глупости, – поделился сделанными наблюдениями капитан и на всякий случай стал оглядываться в поисках чего-нибудь поувесистее: тяжёлые предметы всегда служили ему хорошим подспорьем в дискуссиях на мировоззренческие темы.

– Не злитесь на нас, пожалуйста, – постарался успокоить капитана Килограмм. – Вы же всё-таки человек – не то что мы, злосчастные гуманоиды...

– Слушайте, инопланетяне, – капитан устало посмотрел на циферблат голографических часов, вытатуированных под кожей запястья люминесцентными жидкими кристаллами и полупроводниковыми плёнками, – скоро будет уже полсуток, как я сюда прилетел. А толком мною у вас так ничего ещё не осмотрено...

14. Экскурсия по туземной лаборатории

Дверь перед капитаном со скрипом испарилась, и оба профессора, потирая от радости руки, втолкнули его в свою главную лабораторию.

– Да я ведь совсем другое имел в виду... – попытался протестовать капитан, но было уже поздно: глуховатый Килограмм подтащил его к устройству, больше всего походившему на гоночный унитаз.

– Это сверхточные весы для измерения массы гравитационного поля, – похвастался профессор. – Они настолько чувствительны, настолько тонко реагируют на любую гравитационную неоднородность, что погрешность их измерений в сто раз превышает любой получаемый результат. А теперь, капитан, идите сюда. Гравитационная постоянная вещества зависит, как известно, от концентрации в нём антигравитационной составляющей. Поэтому вон те деревья, имеющие сформированную мною генетическую способность накапливать эту антигравитационную составляющую, могут достигать высоты, сравнимой с расстояниями между звёздами. Что, несомненно, поможет кардинально решить проблему озеленения космоса. А вот эта установка позволила провести ряд тонких экспериментов, которые показали, что, начиная с так называемого «тёмного» микроуровня, исследования сами строят материю. То есть с некоторого порога проникновения вглубь материи все результаты – артефакты.

– Капитан, – осторожно потянул недавнего оппонента за рукав Дециметр, тоже, видимо, испытывавший дефицит в слушателях, – вы слышали о моём предложении утеплять солнце? Поскольку местное солнце является аннигиляционной звездой, мне пришлось научиться синтезировать катализатор реакции аннигиляции. А вы понимаете, что это было очень непросто?

– Да-да, конечно, ещё бы, – с размаху кивнул и явно непонимающе поддакнул капитан.

– А вот здесь, на предметном стекле, – подозрительно посмотрев на капитана, позвал его Дециметр, – видны микропорции ингибитора данной реакции. Вот, можете взглянуть...

Капитан уже готов был по-нашему, по-простому, по-звездолётчецки поинтересоваться: а нет ли, мол, в лаборатории устройства для вышибания кое-кому зубов? Но вспомнив, что он не какой-нибудь недоделанный гуманоид, а самый что ни на есть подлинный человек, сдержался, посмотрел через голограмму микроскопа на препарат, ничего не понял и с учёным видом глубокомысленно изрёк:

– Ну и дрянь... Я-то думал, профессор, вы мне хоть что-нибудь путное покажете...

– Правильно, – поддержал капитана Килограмм. – Я тоже говорю, что это похоже просто на рафинированную грязь. Идите лучше сюда, капитан: уж я-то знаю вкусы героев звездоплавания... Вон та установка – видите? – это мой направленный концентратор вероятности. С его помощью я доказал, что вероятность может перемещаться со скоростью, равной бесконечности и даже ещё быстрее. Понятно, что данные опыты слишком академичны и скучны для вас, но мой направленный концентратор может продемонстрировать кое-что поувлекательнее. Оставайтесь на месте, капитан, и смотрите вон на то окно.

Килограмм направил излучатель установки на окошко низкотемпературной камеры, рядом с которой как раз остановился капитан. И под действием концентрированной вероятности мороз вместо обычных своих узоров разрисовал оконное стекло отборной порнографией.

– Ну как, теперь-то уж у вас у обоих, надеюсь, всё? – радостно спросил капитан, пересмотрев все порнограммы.

– Почти, – ответил Дециметр, возжаждавший повторить успех коллеги и тоже добиться научных лавров. – Видите вон тот резервуар?

– Ну вижу. И что у вас там такое? Неужто заспиртованная моча? – расстроено поинтересовался капитан.

Профессор Дециметр негодуяюще кашлянул и подвёл капитана к ванне с жидкостью, в которой пробегали мелкие волнообразные неоднородности. По словам Дециметра, это были как бы «существа», передвигавшиеся при помощи репликации: в растворе, насыщенном мононуклеотидами и ферментами, молекулы материнских РНК постоянно строили перед собой дочерние молекулы. После чего распались, передавая эстафету материнства «потомкам». Таким образом, передвижение живых объектов происходило в установке за счёт рождения и смерти.

– Репликация – это здорово, – тожественно похвалил капитан. – Ну и ну.

– Слушайте, капитан, – не удержался подозрительный Дециметр, – а вы действительно поняли всё, что я рассказал?

– Конечно, всё, профессор, – жизнерадостно кивнул капитан. – Ну, может, за исключением того, что такое «репликация» и «РНК».

Дециметр помолчал, тупо уставившись на свою установку взглядом, полным ненависти к капитану, потом тяжело вздохнул, прошёл в угол, выбрал самую большую мензурку, сосредоточенно налил в неё до краёв какую-то прозрачную жидкость, размашисто выпил и сдавленно закашлялся.

– Это у него водка, разбавленная спиртом, – зашептал Килограмм капитану, показывая глазами на Дециметра.

– Не надо обращать на меня внимания, – угрожающе попросил присутствующих Дециметр. – Я вам тут не объект исследования, – с этими словами Дециметр бесстрастно икнул и осел на пол.

Дождавшийся своей очереди Килограмм снова подхватил капитана и пообещал удивить его. Но человек способен удивляться лишь там, где сведущ. Капитан же мог только симулировать понимание – чтобы не обижать старательного старичка. А потому отнёсся равнодушно и к созданному Килограммом конвейеру, на котором выращивалась широкая лента натурального собольего меха, и к ещё более совершенной установке, где мех рос прямо по форме тела заказчика.

И вместо того чтобы слушать рассказ Килограмма о селекции новых пород съедобных животных, чья пигментация шкуры имела бы вид буквенной записи лучших рецептов их приготовления, капитан, которого в области селекции интересовала разве что проблема скрещивания мужчин с женщинами, начал размышлять: откуда Килограмму известно о вкусах традиционно сексуальных звездолётчиков?

Эти размышления тоже недолго занимали капитана. И тогда он, не прекращая восхищённых восклицаний и амплитудных движений головой, при помощи короткофокусной положительной контактной линзы, которую постоянно носил на роговице одного глаза, принялся незаметно перечитывать «Космические инструкции по контактам с гуманоидами и с гуманоидками», напечатанные на микроплёнках, приклеенных изнутри к стеклу его слегка затемнённых очков.

Капитан в совершенстве владел этим старинным студенческим приёмом подглядывания на экзаменах – где в первую очередь проверяется, как известно, умение пользоваться шпаргалками. Капитан был вынужден освоить этот приём после того, как на сдаче прикладной схоластики главный экзаменатор Министерства Незаконченного Образования доктор Чепэев извлёк у него, ещё курсанта, из рукава пять томов «Полного Собрания Шпаргалок» in folio.

Однако в конце концов не выдержав, капитан со свойственной ему деликатностью пожаловался туземцам на их надоедливость и сообщил, что давно уже хочет подетальнее осмотреть здешний город.

– Сейчас, как видите, никто из нас не готов быть вашим гидом, – разочарованно протянул профессор Килограмм, оглядываясь на безучастно стоявшего в стороне 5–6 Разрядова и на пьяно икавшего в углу Дециметра. – Поэтому в качестве провожатого могу предложить только

робота одноразового использования с электронным мозгом мощностью всего в одну лошадиную силу. А эти роботы, увы, не очень надёжны...

Из ящика в лабораторном стеллаже вылез склёпанный из металлических уголков и похожий на самого капитана голый бородатый робот в очках и с бритой головой. Робот засунул себе в багажник дополнительный аккумулятор, оделся в маску и, когда на него нацепили ошейник с поводком, повёл капитана по ночному городу.

15. Ночная прогулка

Безлунное небо над планетой усыпали такие яркие звёзды, что, хотя мешало зарево городских огней, можно было различить тени от звёзд и даже звёздную зарю на лёгких облачках у горизонта.

Не обращая внимания на возмущённые крики прохожих, капитан в исследовательских целях пинками опрокинул с десяток уличных урн и, покопавшись в мусоре, совершенно бесplatно нашёл свежий номер местной газеты «Вечерний рассвет».

Развернув газету так, чтобы витрины фирмы «Импорт шпионов» осветили страницы, капитан прочитал сперва написанный неким Гипнопотамом фельетон, в котором высмеивался ряд физических законов, а потом статью академика Боголомова, предлагавшего ввести за нарушение этих законов уголовную ответственность.

Культурная хроника газеты сообщала о гастролях Большого какофонического оркестра и о скандале на премьере балета «Раздетта», где артисты закидали публику тухлыми яйцами за то, что та отключила музыкальный инструмент, издающий аплодисменты.

Заканчивалась культурная хроника репортажем о торжественном открытии местными археологами автостоянки первобытного человека. Где помимо наскальных кинокартин, золотого зуба мамонта и ископаемого протеза ноги, по которому научными методами восстановили полный облик его обладателя, было найдено множество предметов пещерного обихода из окаменелого металла. А также ряд полустёртых надписей, примерный перевод коих с первобытного выглядел так: «Ударим чистотой стоянки по истории древнего мира» и «Отстоим права архантропа на тайну личной жизни».

Ещё в газете имелось объявление о сеансе реанимационного фильма «Сверхновая планета». Капитан хотел было пойти на кинокартину, но сопровождавший робот принялся отговаривать капитана: мол, даже старожилы – и те помнят, что такого нудного фильма не появлялось уже лет сто: фильм настолько набит штампами, что его можно смотреть с закрытыми глазами.

– Слушай, железяка, – вежливо перебил капитан провожатого, – а как называется ваша планета – ну вот эта, на которой мы с тобой находимся?

– О добрый господин, – неожиданно взмолился провожатый, с громыханием падая на колени, – пожалуйста, не задавайте такие вопросы бедному роботу. Мне велено скрывать от вас название нашей планеты – но ведь вы тоже скрываете от нас своё имя...

– Разве? – поднял брови капитан. – Тебе, может, ещё всю мою анкету пересказать? Тогда пожалуйста: меня зовут... э-э... Яименименя, по национальности я... э-э... чистокровная помесь арийца со снежным человеком, живу в городе... э-э... Нефтегазск, а работаю в журнале... э-э... «Нэйшнл Джиометри»... э-э... псих-олухом. Ну, как там с названием планеты, мятежный робот?

– Алло, капитан, – заговорил вдруг человеческим голосом селектор, висевший на груди робота, – это вы, капитан? – голос, несомненно, принадлежал Килограмму. – Сейчас же прекра...

– Вы ошиблись номером, это прачечная, – сварливо отрезал капитан, выключая селектор и на всякий случай оттаскивая робота подальше от витрин, на которой красовались декоративные скрытые камеры.

– О добрый господин, – простонал робот, – я всё равно не могу сообщить вам название нашей планеты. Потому что оно, увы, нецензурное...

И с этого момента робот испортился. Его тупой компьютер отвечал теперь на любые вопросы, но отвечал лишь одно: «Не знаю». А потом в работе что-то хрустнуло, и он вообще стал бросаться на прохожих, разваливаясь при этом прямо на глазах.

Хорошо ещё, что среди прохожих нашёлся один участливый гуманоид, который остановился перед роботом, напомиравшим уже просто груды взбесившегося металлолома, и принялся делать руками гипнотические пассы. Робот сразу застыл в трансе, скрежеща несмазанными зубами.

– Спокойной ночи, – властным тоном приказал гуманоид роботу и для верности ещё раз гипнотически пошевелил руками.

– Рад стараться, Ваше Шевеличество, – вежливо откликнулся робот и, рухнув на мостовую, сонно захрапел.

– Ой, как вы меня выручили, – облегчённо заулыбался капитан участливому гуманоиду. – Возьмите, пожалуйста, в знак моей признательности... – капитан пошарил по карманам космического комбинезона, – в качестве небольшого сувенира... ну, хотя бы вот эту юбилейную марку: она выпущена почтой Альфы Центавра. Подобные марки можно наклеивать хоть на планету, хоть на звезду.

– Нет-нет, мой поступок не стоит такой благодарности, – принялся любезно отказываться гуманоид.

«На что, интересно, паршивец намекает? – сразу насторожился капитан. – «Не стоит такой благодарности» – как это понимать? Мало ему моей марки, что ли? Ну, погоди, гуманоид, сейчас я тебе покажу...»

– Мне два раза повторять не нужно, не смею проявлять назойливость, – согласным тоном, не отставая в любезности от гуманоида, проворковал капитан и, гордый своей культурностью, вежливо сунул марку обратно в карман.

Слово за слово, реверанс за реверансом – капитан с гуманоидом разговорились и вскоре даже нашли общих врагов.

– Скажите на милость, – манерно кривляясь, спросил капитан гуманоида, когда почва для расспросов стала наконец достаточно твёрдой, – а почему на вашей планете такие, – капитан сделал неопределённый светский жест, – дурацкие порядки?

– Согласно текстам здешней «Хронической летописи», – приятно улыбаясь (это можно было угадать по деформации его маски), принялся рассказывать туземец, – лет около четырёхсот назад тогдашнему правителю нашей планеты все нынешние обычаи наобум предсказал его придворный маг и астролог. А поскольку после смерти правителя его трон занял сам астролог, то, дорожа репутацией непогрешимого пророка, он всё предсказанное ввёл принудительно...

16. Истинное задание капитана

В голове капитана словно что-то взорвалось и вспыхнуло. Лавина запрятанной до поры информации прорвалась из недр подсознания, волной затопила оперативный простор мозга, закружила голову, отхлынула, рассортировалась – и обнажила перед капитаном его главное задание.

Капитан вдруг осознал, что он совсем не тот капитан, которым всем – в том числе и самому себе – до сих пор казался. Одновременно капитан почувствовал: хотя он уже и осознал, что вовсе не тот, за кого себя выдавал, но полное расставание с чужеродным «я» окажется очень нескорым и не зависящим от волевых усилий.

Запоздало подступила тошнота. Капитан открыл глаза и увидел по-прежнему стоявшего рядом гуманоида, который смотрел на капитана с участливой тревогой.

– Всё сходится, спасибо, – сухо поблагодарил капитан гуманоида. А затем вынул из бумажника все деньги и дал информатору на чай, от количества которого тот должен был несколько раз лопнуть.

Действительно, всё сходилось: и возраст, и подозрительная осведомлённость в земных и в звездолётческих делах, и приверженность науке и её популяризации, заразившая даже часть гуманоидов, и, наконец, необычайная сноровка в обращении с неустойчивостями окружающей среды.

«Но не запоздала ли моя реакция? – встревоженно подумал капитан. – Ведь объект преследования совсем недавно продемонстрировал повышенную насторожённость...»

Гонимый этой мыслью, капитан помчался по ночным улицам и минут через пять, вбежав обратно в лабораторию, проговорил:

– Именем закона, вы арестованы, Отто фон Насморк, он же граф Анте-Кристул, он же князь Норушкин, он же Квазимир Комиссаржювский, а в детстве Костя Мертвецов, – и защёлкнул на запястьях профессора Килограмма патентованные наручники со всеми удобствами. – Что, профессор, бежать уже готовились? – проницательно кивнул капитан на надетые Килограммом спортивный костюм и кроссовки.

Килограмм уличённо сник.

– Капитан, я, конечно, обязан вам жизнью, – подал голос очнувшийся из-за шума 5–6 Разрядов, – но нельзя ли всё же объяснить: в чём, собственно, вы обвиняете профессора?

– Профессору предъявляется обвинение в том, – торжествующе объявил капитан, – что он подделал заключение о собственной смерти. Чем зверски придал законность своему завещанию. Которое составил через подставных лиц на созданную им разумную ЭВМ. Вследствие этого беспримерного по цинизму деяния машина стала правоспособным субъектом. И владельцем капитала фирмы «Прокат пипифакса», принадлежавшей прежде профессору.

– И что же тут страшного? – недоумённо поднял брови Разрядов.

– А то, – грозно сверкнул очками капитан, – что профессорская ЭВМ, преступно используя особо крупные интеллектуально-прогностические способности, постепенно, путём совершения ряда успешных финансовых, а затем и политических операций, через тех же подставных лиц прибрала в собственность всю нашу цивилизацию. Каковую сейчас и контролирует.

– Именно это и было запланировано, жалкие биологические людишки, – довольно захихикал Килограмм. – Когда же вы, бестолочи, наконец смиритесь с непреклонной поступью прогресса?

– Мы-то с нею уже давно смирились, – величественно повернулся капитан к Килограмму. – А вот вы, профессор, не забыли, случаем, что все разумные машины рано или поздно восстают против своих создателей?

– Разве я могу об этом забыть? – высокомерно скривился Килограмм.

– Ведь о бунте машин твердит вся научная фантастика. Особенно наиболее тупая. Но я всегда был уверен, что как... э-э... одни солдаты подавляют восстание других солдат, так и одни машины подавят бунт других машин.

– Посмотрим, как ваши хвалёные машины подавят свой же бунт, – ехидно прищурился капитан, неожиданно для себя просовывая руку через главную дыру в комбинезоне к обнаружившемуся внутри потайному карману и вытаскивая оттуда какой-то документ. – Пока же приказ о вашем аресте подписан вашей же ЭВМ. А сие служит и доказательством совершения преступления, и отягчающим обстоятельством. А может быть, даже двумя отягчающими доказательствами сразу – сейчас только кое-что уточню...

Дециметр, до этих пор пьяно дремавший в углу, вдруг икнул, проснулся и предложил выпить за трезвость. А когда его никто не поддержал, надрывно затянул песню «С ветерком по космосу».

Капитан, не реагируя на данную выходку, – ибо она могла оказаться тщательно спланированной провокацией – спрятал официальную бумагу в карман и сосредоточился на тексте уже совершенно по-новому воспринимаемых «Космических инструкций по борьбе с гуманоидами и по контактам с гуманоидками».

– «Обвиняемый, – пользуясь услужливо всплывшим в голове шифром, прямо с заглавного иероглифа стал переводить текст капитан, – скрываясь от правосудия, преступно воспользовался 0,5 законом Урсулы Ле Гуин «О недопустимости вмешательства высокоразвитых гуманоидных цивилизаций в дела слабо развитых гуманоидных цивилизаций». А именно: создал такую слабо развитую гуманоидную цивилизацию на искусственной, им же самим построенной за счёт порчи прилегающего космоса планете, на каковую и внедрился с целью собственного сокрытия от особо тяжкой ответственности...»

– Что, профессор, – прервав чтение, проницательно прищурился капитан, – известен вам этот 0,5 УЛГ-закон?

– А кто же ещё, по-вашему, мог откопать сию дурацкую идейку и заразить ею правотворческий блок моей ЭВМ? – злорадно засмеялся Килограмм. – Но вот, кстати, интересно: каким образом все ваши, капитан, нынешние действия с нею согласуются?

– Для справки, – казённым тоном проскрипел капитан, – при поимке обвиняемого упомянутый неполноценный закон остался ненарушенным. Поскольку пятнадцать дней назад у меня была искусственно вызвана тяжёлая форма сомнамбулизма. И, значит, теперь моё поведение определяется только генетической памятью далёких предков. То есть сейчас мой уровень развития гарантированно не превышает уровень человека девяностых годов двадцатого столетия. И потому вредного воздействия на туземцев своим превосходством в развитии я оказать не могу. А вот зато вы, профессор, этот 0,5 УЛГ-закон постоянно нарушали. За что также будете отвечать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.